
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Некоторые проблемы изучения кавказского рабства как целостного феномена в современной русскоязычной историографии. Часть II*

А. Ю. Перетяtko

Для цитирования: *Перетяtko А. Ю.* Некоторые проблемы изучения кавказского рабства как целостного феномена в современной русскоязычной историографии. Часть II // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 3. С. 759–777. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.313>

Статья посвящена анализу современной русскоязычной историографии рабства на Кавказе. Автор приходит к выводу, что при повышенном внимании к частным и локальным сюжетам, работ, описывающих кавказское рабство в целом, достаточно мало, и они начали появляться сравнительно недавно. Общепринятой единой картины рабства на Кавказе в них не прослеживается, и даже оценки жестокости этого рабства могут различаться кардинально. Вторая часть статьи посвящена социальным практикам и периодизации кавказского рабства. Показано, что распространение рабовладения и работорговли, воспринимавшихся как моральная норма, формировало новые социальные практики. В числе этих практик можно выделить воспитание красивых девушек как рабынь, формирование особого института посредников при обмене или выкупе пленников, захват горцев русскими войсками для их дальнейшего обмена, а также

* Первую часть статьи см.: *Перетяtko А. Ю.* Некоторые проблемы изучения кавказского рабства как целостного феномена в современной русскоязычной историографии. Часть I // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 508–530. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.213>

Артем Юрьевич Перетяtko — канд. ист. наук, Университет Черкас Глобал, США, 20036, округ Колумбия, Вашингтон, NW, STE 900, Коннектикут авеню, 1150; Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100; ArtPerettko@yandex.ru

Artyom Yu. Peretyatko — PhD (History), Cherkas Global University, 1150, Connecticut Av., Washington, NW, STE 900, District of Columbia, 20036, USA; Volgograd State University, 100, pr. Universitetsky, Volgograd, 400062, Russian Federation; ArtPerettko@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

освобождение горцами пленников с последующим включением в общину в качестве зависимого населения. С точки зрения современной морали подобные практики могут казаться благородными или чудовищными, но в действительности они так или иначе всегда были социально-экономически обоснованы. Что касается периодизации кавказского рабства, то автором уточнена концепция А. А. Черкасова, В. Г. Иванцова, М. Шмигеля и С. Н. Братановского, в соответствии с которой выделяются три периода развития рабства на Кавказе: «незначительное развитие» (IV–XV вв.), «расцвет» (XVI–XVIII вв.) и «угасание» (XIX в.). Данная концепция выделяется объективностью и отсутствием политизированности, однако в ней отсутствуют четкие критерии выделения периодов. В статье показано, что кавказские рабы составляли большинство на некоторых значимых рынках (Трапезунд, Генуя) уже в XV в., а предпосылки для угасания рабства на Кавказе в его прежних формах начали складываться с XVIII столетия.

Ключевые слова: Кавказ, рабство, работорговля, пленопродавство, социальные институты, история морали.

Certain Problems of Researches of Caucasus Slavery as Holistic Phenomenon in Modern Russian-Speaking Historiography. Part II*

А. Ю. Перетьатко

For citation: Peretyatko A. Yu. Certain Problems of Researches of Slavery in the Caucasus as Holistic Phenomenon in Modern Russian-Speaking Historiography. Part II. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 3, pp. 759–777. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.313> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of modern Russian historiography of slavery in the Caucasus. The author comes to conclusion that the works describing Caucasian slavery in general are rather few, and they began to appear relatively recently (although there are many on private and local subjects of Caucasian slavery). Therefore, there is no unified picture of slavery in the Caucasus, and even assessments of its cruelty can differ dramatically. The second part of the article concerns social practices and periodization of Caucasian slavery. The article reveals that the spread of slavery and slave trade, perceived as a moral norm, formed new social practices, such as upbringing of beautiful girls as slaves, formation of a special institution of intermediaries in the exchange or ransom of captives, etc. Today such practices may seem noble or monstrous, but in reality, they have always been socio-economically justified. As for the periodization of the Caucasian slavery, the author clarified the concept of A. A. Cherkasov, V. G. Ivantsov, M. Shmigel and S. N. Bratanovskii, in accordance with which three periods of development of slavery in the Caucasus are distinguished: “insignificant development” (4th–15th centuries), “flourishing” (16th–18th centuries) and “fading” (19th century). This concept stands out for its objectivity and lack of politicization, but lacks clear criteria for identifying periods. The article shows that Caucasian slaves were a majority in some significant markets (Trebizond, Genoa) already in the 15th century, and prerequisites for the extinction of slavery in the Caucasus in its previous forms began to take shape from the 18th century.

Keywords: Caucasus, slavery, slave trade, captivity, social institutions, moral history.

* See the first part: Peretyatko A. Yu. Certain Problems of Researches of Slavery in the Caucasus as Holistic Phenomenon in Modern Russian-Speaking Historiography. Part I. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 2, pp. 508–530. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.213> (In Russian)

Социальные практики рабства

Статус рабовладения и работорговли как нормального явления неизбежно вел к формированию особых социальных практик, связанных с рабством. Одну подобную практику — воспитание красивых черкешенок в качестве будущих рабынь в собственных семьях — мы уже рассматривали в первой части нашей публикации. Однако вполне естественно, что число подобных практик было значительно больше.

Интересные рассуждения на этот счет принадлежат Д. В. Сенью. Являясь сторонником концепции фронта, он пытается рассматривать южное пограничье вне традиционных нарративов национальной истории, но как раз в рамках той логики изучения причерноморского локуса, которая, как мы установили в первой части статьи, наиболее продуктивна при попытках исследования рабства на Кавказе как целостного явления. В предисловии к своей монографии «Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII — XVIII в.)» Д. В. Сень пишет следующее: «Ключевая тема книги исследована не с точки зрения «природных»/«законных» интересов какого-либо государства или так называемых главных участников, а с позиций гетерогенности и мозаичности самой пограничной жизни. История южного пограничья будет представлена как пространство конформизма и сопротивления, конфронтации и сотрудничества самих местных сообществ, а не как абстрактная территория “агрессии” или “защиты” со стороны Москвы (Санкт-Петербурга), Бахчисарая, Стамбула»¹. При подобном взгляде на проблему быстро выясняется, что традиционно рассматриваемые в отечественной историографии в качестве естественных врагов русские и крымчаки, казаки и горцы не только отличались совсем не так сильно, как принято считать, но и имели определенные точки соприкосновения. «Внеконфронтационные отношения составляли неотъемлемую часть жизни», — пишет Д. В. Сень об особенностях функционирования южного пограничья². И работорговля естественно и неизбежно становилась одним из элементов, объединяющих людей по обе стороны границы. Конечно, это объединение было вынужденным и недобровольным, однако представители разных религий и этносов, подданные разных империй сначала во всем Северном Причерноморье, а потом только на Кавказе вынужденно взаимодействовали в рамках практик работорговли.

Д. В. Сень подтверждает данный тезис целым рядом примеров, восходящих к рубежу XVII и XVIII вв. Так, он показывает, что в это время выкуп и обмен пленных («полоняников») практиковался с обеих сторон и представлял собой типичное, а не уникальное явление: «В 1696 г. крымский татарин ехал для “розмены” русского полоняника на свою сестру в Черкасск, но затем оказался в Азове. Примечательно, что этот татарин присоединился к группе кубанцев, ехавших в Черкасск и взявших с собой для размена “трех человек казаков, да дву человек, стрелца да солдата”»³. При этом подобные размены (обмены) с русской стороны долго оставались преимущественно делом частных лиц или, в лучшем случае, казачьих властей: только

¹ Сень Д. В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII — XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2020. С. 18.

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 174.

в июне 1699 г. донским казакам пришла царская грамота, запрещающая «напрямую вести дела о размене пленными или имуществом с ногайцами и кубанцами»⁴. Впрочем, переход обменов с частного уровня на государственный происходил не без сложностей: Д. В. Сень приводит документ, согласно которому еще в октябре того же 1699 г. с Кубани в Черкасск прибыли посланцы для обмена и выкупа пленными «по прежним их обыкностям»⁵.

Таким образом, взаимный обмен и выкуп пленников неизбежно способствовал установлению контактов между людьми по разные стороны фронта. Д. В. Сень вполне обоснованно сомневается, что навязываемое извне региона, из Москвы и Стамбула, ограничение работорговли и пленопродавства позитивно воспринималось местными жителями. Так, с Кубани набеги на русские территории продолжались и после подписания русско-османских договоров, а «попытки крымских чиновников найти виновных в осуществлении кубанцами набегов на российские владения зачастую имитировались»⁶. Но и про власти Войска Донского Д. В. Сень пишет следующее: «Полагаем, что особенно недовольна случившимся оказалась войсковая верхушка, традиционно контролировавшая пограничные связи донцов с ногайцами, надо думать, в сфере торговых связей и, конечно, работорговли»⁷. Исследователь показывает, что еще в 1699 г. турецкие и армянские торговцы пытались попасть в Черкасск, вероятно, с целью купить невольников у казаков, но русская администрация не пропускала их, требуя вести торговлю исключительно в Азове⁸. Хотя в данном случае предположение Д. В. Сени носит вероятностный характер, нам оно представляется вполне убедительным.

Таким образом, пока в Северном Причерноморье практиковалось пленопродавство, в нем существовала не только система классической работорговли, но и система специфического выкупа и размена пленными. Особую роль в системе размена, по мнению Д. В. Сени, играли «посредники в откупных операциях» — люди, через которых и с помощью которых осуществлялся выкуп⁹. При этом руководствовались они отнюдь не только альтруистическими соображениями: так, одним из посредников на рубеже XVII и XVIII вв. был армянин М. Симонов, не брезговавший ни работорговлей, ни сманиванием людей из русских земель в османские¹⁰. Следовательно, системы классической работорговли и выкупа/размена пленными (фактически пленопродавства в узком значении этого слова) в Северном Причерноморье могли совмещаться (если выкуп/размен организовывал работорговец), но могли и существовать независимо друг от друга (если выкуп/размен организовывали лица, работорговлей себя не запятнавшие).

⁴ Сень Д. В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII — XVIII в.). С. 174.

⁵ Там же.

⁶ Сень Д. В. «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. — начало XVIII в.) // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 1. С. 40.

⁷ Сень Д. В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII — XVIII в.). С. 175.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 176.

¹⁰ Там же.

Проиллюстрируем логику работы системы размена пленных несколькими примерами. Эта система, постепенно отмершая в Крыму и на Дону после изменения дипломатической ситуации, продолжала существовать на Кавказе. В этом плане крайне показательна статья С. Л. Дударева «О месте и статусе армянских торговцев в черкесском Закубанье и их роли в российско-горских отношениях в конце XVIII — первой половине XIX вв. (по документам Государственного архива Краснодарского края)»¹¹. Ее автор, также относящийся к «школе В. Б. Виноградова», подробнее всего пишет о категории армянских купцов, которую он сам называет «армянами-благотворителями», то есть об армянах, которые выкупали русских пленных¹². Однако историк признает, что даже просто с выделением этой группы есть определенные проблемы. Так, армянин Б. Тволов, вызволивший из горского плена четырех человек, упоминается в другом документе в связи с тем, что он увез за Кубань «азиатскую девочку Азли Гсан» и, таким образом, на самом деле мог не выкупить кого-то из горских пленников в рамках собственной «благотворительности», а просто договориться о его обмене на пленницу русских, причем получив с этого какую-то личную выгоду¹³.

В связи с этим нам кажутся несколько искусственным выделение категории армян («армян-благотворителей», «армян-работорговцев», «армян-купцов» и др.), предпринятое С. Л. Дударевым¹⁴. Поскольку, как мы показали выше, системы работорговли и размена пленных на Кавказе часто сочетались, один купец в разных ситуациях мог выступать в роли и работорговца, и благотворителя, впрочем, как и мог всегда действовать только в какой-то одной роли. В то же время приводимые С. Л. Дударевым факты ясно показывают, что еще в первой половине XIX в. на контролируемой русскими территории Кавказа армянские купцы продолжали выступать посредниками по вызволению из плена, порой зарабатывая на этом серьезные суммы. Так, в 1816 г. некий армянин Максим привез русским двух казачьих детей, похищенных горцами, требуя за них 1600 пудов соли¹⁵. В 1832 г. армянин Х. Давыдов за плененного подростка требовал 300 руб.¹⁶ Особую пикантность последнему сюжету придает то, что Х. Давыдов также требовал передачи ему девушки-горянки, купленной отцом этого подростка у казака¹⁷. В оригинальном документе прямо говорится, что девушка была захвачена в плен казаком, и это в очередной раз показывает сложность и моральную неоднозначность кавказского рабства: отец ребенка, за которого требовали выкуп, сам оказался рабовладельцем, причем купившим незаконно захваченную девушку, а требовавший за его сына денег армянин, пускай и небезвозмездно, но пытался вызволить пленницу¹⁸. В 1834 г. еще один армянин, А. Хачатуров, выменял у горцев уже русскую пленницу, дочь коллежского асессора,

¹¹ *Dudarev S. L. On the Place and Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late 18th — first half of the 19th centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai) // Slavery: Theory and Practice. 2021. No. 6 (1). P. 14–25.*

¹² *Ibid.* P. 20.

¹³ *Ibid.* P. 20–21.

¹⁴ *Ibid.* P. 25.

¹⁵ *Ibid.* P. 18.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Cherkasov A. A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // Bylye Gody. 2020. Vol. 57-1, issue 3-1 (Special issue). P. 1761.*

получил от ее отца выкуп в 1774 руб., но девушку так и не вернул¹⁹. Из всех этих примеров мы можем видеть, как работал один из вариантов посредничества при освобождении из плена: пленник или пленница, потенциально имевшие большую ценность, фактически просто выкупались третьим лицом, рассчитывавшим нажиться на перепродаже близким захваченного.

Отмечает С. Л. Дударев и случаи, когда армяне не перепродавали выкупленных у горцев рабов, но выступали классическими посредниками при обмене пленными, однако не безвозмездно, а получая за это деньги. Например, в 1824 г. армянин Авганов поменял двух захваченных горцами солдат на плененных русскими черкесского мальчика и закубанского армянина²⁰. Историк с откровенной иронией пишет о таких «деловых людях», наживавшихся на чужом горе²¹. На наш взгляд, не все из них заслуживают морального осуждения и подобной иронии, во всяком случае, не в большей степени, чем русские офицеры и чиновники, допускавшие захват горских детей. Русские власти практиковали даже *намеренный* захват горцев для их обмена, что тоже следует считать и своеобразной формой «пленопродавства», и очередной специфической социальной практикой кавказского рабства, но от подробного анализа этой практики мы воздержимся за недостатком фактического материала. Тем не менее отметим, что в некоторых случаях практика осознанного захвата горцев Российской империей для обмена и практика небескорыстного посредничества третьих лиц при обмене пленными взаимно дополняли друг друга. Об этом свидетельствует статья «Обмен пленными как новая форма русско-черкесского диалога в начале XIX века» международной группы авторов (Г. Райовича, Д. О. Ежевского, А. Г. Вазеровой, М. Трайлович)²². В публикации проанализирована ситуация 1803–1804 гг., когда русские войска сознательно захватили 532 черкеса, чтобы спровоцировать горцев на более активный обмен пленными²³. Впрочем, в оправдание русских властей, пошедших на столь массовый захват пленников, стоит отметить, что горцы, которых не удалось обменять, в итоге «были причислены к Черноморскому казачьему войску», то есть стали не рабами или крепостными, а свободными казаками²⁴.

Согласно сведениям, приведенным в рассматриваемой статье, в 1803 г. — первой половине 1804 г. 160 пленными русскими было обменено на 189 пленными черкесов²⁵. Для 150 русских пленными удалось установить и посредников, осуществлявших операцию. Их оказалось 19 человек: 10 черкес, 8 армян и 1 русский²⁶. Однако если исходить из числа обмененных, ситуация с долей посредников по национальностям сильно изменится: 92 пленника (около 61 %) обменяли через армян, 57 пленников (около 38 %) — через черкесов, и только 1 пленника (менее 1 %) — через рус-

¹⁹ Dudarev S. L. On the Place and Status... P. 18.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Rajović G., Ezhevski D. O., Vazeroval A. G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century. Part I // Bylye Gody. 2017. No. 46 (4). P. 1261–1274.

²³ Ibid. P. 1262.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid. P. 1271.

²⁶ Ibid. P. 1272.

ского²⁷. Крупнейшим посредником выступил армянин М. Мержанов, обменявший 38 русских на 62 черкеса, армянин Темеруканов обменял 26 русских на 20 черкесов, и только третьим посредником по числу обменов выступил черкес, некий «дворянин Ислям», обменявший 23 русских на 22 черкеса²⁸. На этом основании авторы делают вывод о том, что «обмен пленниками для черкесов не являлся перспективным занятием, к этим вопросам большее тяготение проявляли армяне»²⁹. Имевшие место случаи активного участия черкесов в массовых, а не единичных обменах они объясняют желанием выменять конкретных пленников. В качестве примера приводится история закубанского владельца Магмет Калабат Оглы, в 1803 г. обменявшего 13 русских на 14 черкесов³⁰. Как следует из других документов, он при этом преследовал цель не финансовой выгоды, а освобождения своих родственников³¹. В 1804 г. он прямо обратился к черноморскому атаману Ф. Я. Бурсаку, прося помощи в розыске еще двух (очевидно, захваченных казаками) девушек-горянок. При этом Магмет Калабат Оглы выражал готовность выкупить их, а не обменять, то есть очевидно действовал себе в убыток³². Показательно, что в письме атаману закубанский владелец называл его «дружелюбным соседом», пытаясь наладить трансграничный контакт, чтобы получить помощь³³.

Как нам представляется, утверждение о том, будто бы в рамках кавказской системы пленопродавства обменом пленных ради финансовой выгоды занимались исключительно армяне, а для черкесов участие в обменах было невыгодно, все же выглядит недостаточно обоснованным: делать такой вывод на базе нескольких частных примеров преждевременно. Однако из этих примеров ясно видно, что случаи посредничества армян при обмене пленными были как минимум распространены. Таким образом, в рамках системы пленопродавства возникало своеобразное разделение труда: похищение людей практиковалось по обе стороны границы, а обменивать пленных помогали, получая от этого материальную выгоду, нейтральные посредники, третьи лица. И нужно понимать, что без их посредничества многие пленные вообще не были бы возвращены в родные места, а оказались бы проданы на средиземноморские невольничьи рынки: как видно из примера массового обмена пленниками в 1803–1804 гг., 62 % русских пленников удалось обменять только с помощью нечеркесских посредников. Таким образом, если оценивать работу посредников при обмене пленных из прагматических, а не этических категорий, то следует признать, что без них участь многих пленников оказалась бы еще печальнее.

Здесь нам представляется уместным вернуться к «армянам-благотворителям», как их называет С. Л. Дударев. До него на эту же тему писал Ю. Ю. Клычников. И он приводит любопытный документ — письмо нахичеванского армянина С. Сарибашева (Шарабашева) командующему Кавказским корпусом А. П. Ермолову от 1821 г. С. Сарибашев писал о том, что выкупил из горского плена нескольких казаков и унтер-офицера (любопытно, что только об одном из них было сказано, что выкуп

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 1263–1268.

²⁹ Ibid. P. 1272.

³⁰ Ibid. P. 1268–1269.

³¹ Ibid. P. 1272.

³² Ibid.

³³ Ibid.

осуществлялся «без возврата издержанных... денег»³⁴. За свою деятельность предприимчивый армянин получил ряд аттестатов от русских офицеров и теперь выражал надежду, что за неоднократное оказываемое им «в пользу службы усердие», он не останется без награждения³⁵. И действительно, в 1822 г. С. Сарибашев был награжден золотой медалью «За усердие»³⁶.

Ю. Ю. Клычников приводит целый ряд аналогичных примеров, относящихся к 1820–1840-м гг.: армянские купцы в это время регулярно выкупали русских пленников, а имперские власти награждали их медалями «За усердие»³⁷. Он реконструирует побуждения армян, освобождавших русских из горского плена следующим образом: «Ощущая себя частью единого Отечества и готовые оказать помощь страждущим, они находили в этом поддержку и одобрение со стороны властей, всячески поощрявших подобные инициативы»³⁸. Еще эмоциональнее пишет о подобных армянах С. Л. Дударев: «Эти люди были лучшими представителями северокавказского (в том числе закубанского) армянства, которые своей гуманной деятельностью продемонстрировали тот факт, что невозможно огульно обвинять тот или иной народ в своекорыстии, среди него есть люди как меркантильные, так и движимые благородными побуждениями»³⁹.

Между тем случай С. Сарибашева хорошо показывает, что выкупающие русских из горского плена армяне вполне могли позаботиться и о собственных интересах. Более того, исходя из той логики работы системы размена пленников на Кавказе, которую мы видели выше, «меркантилизм» и «благородные побуждения» армянских торговцев вообще не стоит противопоставлять. Желание по каким-то причинам помочь конкретному пленнику или пленникам вообще вполне могло сочетаться с желанием не упустить при этом и собственную выгоду. Она могла быть как материальной, и предусматривать оплату посреднических услуг (действительно не простых и требующих серьезных расходов), так и духовной, и предполагать получение благодарности и знака отличия от властей.

При изучении кавказского пленопродавства институт посредничества заслуживает отдельного исследования, причем написанного с пониманием региональной специфики рабства, без эмоционального осуждения людей, профессионально помогавших вести переговоры о размене или выкупе пленников. Вопросы о значении для кавказского рабства не отдельных лиц, но института посредников в целом, о социальном, религиозном и этническом происхождении этих посредников, об отношении к ним в обществе, их статусе и т. д. представляются нам очень важными для понимания системы выкупов и разменов пленников в целом. Если практика посредничества была широко распространена, то напрашивается вывод, что выгоду от пленопродавства получали не только сами похитители рабов и обычные работорговцы, но и третьи лица, которые вообще могли работорговцами и рабовладельцами формально не считаться. Они представляли собой специфический об-

³⁴ Клычников Ю. Ю., Цыбулькинова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, 2011. С. 129–130.

³⁵ Там же. С. 130.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 130–134.

³⁸ Там же. С. 134.

³⁹ Dudarev S. L. On the Place and Status... P. 21.

служивающий персонал пленопродавства как социального института, они были людьми, без которых работорговля на Кавказе стала бы ближе к классической и ограничивалась бы в основном похищением людей для их перепродажи, а не для получения выкупа от родственников или для обмена на других пленных.

Что касается социальных практик внутри горского общества, связанных с работорговлей и пленопродавством как формами трансграничного диалога, то они меньше привлекали внимание историков в последнее десятилетие. Наиболее значимыми для осмысления этого вопроса нам представляются монография и ряд статей Е. И. Иноземцевой, посвященные рабству у горцев Дагестана⁴⁰. Прежде всего следует отметить, что нарратив Е. И. Иноземцевой, очень интересный в фактографическом отношении, внутренне противоречив. Исследовательница приводит свидетельства современников и утверждения позднейших историков, не пытаясь устранить явное противоречие между мнениями о том, будто бы «социально-правовое положение рабов в Дагестане было исключительно тяжелым» (здесь Е. И. Иноземцева опирается на статью советского историка Г. Г. Османова), и о том, будто бы у целых горских народов «не было нестерпимого презрения к себе подобному и поэтому владелец «не отчуждал своего раба от человечества вообще, обходился с ним ласково и снисходительно» (цитата из известного имперского историка Кавказской войны Н. Ф. Дубровина)⁴¹.

Подобное противоречие в значительной степени является сознательным. Как отмечает сама Е. И. Иноземцева, на Кавказе «каждая сельская община до сих пор строго придерживается своих домашних обычаев», и поэтому даже сейчас отношение представителей различных дагестанских народов (если не аулов) к потомкам рабов может кардинально отличаться⁴². По ее мнению, даже в наши дни в Дагестане есть общины, где потомки рабов «с подросткового возраста чувствуют свою ущемленность, неполноценность, психологическую нестабильность, так как о них говорят, что «он (она) из «плохого рода» — и есть общины, где «наиболее предприимчивые из сословия лагов (рабов. — А. П.) своим богатством в силу особых заслуг перед общиной, доблести или религиозности становились влиятельной силой в общине»⁴³. Понятно, что при подобном разнообразии практик рабовладения в одной кавказской республике делать обобщающие выводы и вообще систематизировать материал о положении рабов в горском обществе в целом непросто.

Тем не менее из текстов Е. И. Иноземцевой можно уяснить целый ряд специфических социальных практик, помогавших инкорпорировать пленника в захватившую его общину. Важно понимать, что рабство у мусульманских горцев существовало в рамках той системы мусульманского рабства, о которой мы писали выше, то есть религиозные заповеди требовали хорошего отношения к рабам. В результате, как отмечает Е. И. Иноземцева, например в Салатовском союзе сельских обществ, пленные оказывались на положении рабов только временно: «Владельцы обычно

⁴⁰ Иноземцева Е. И.: 1) Социально-экономическое положение рабов в феодальном Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4. 2013. С. 22–32; 2) Институт рабства в феодальном Дагестане: Очерки истории. Махачкала, 2014; 3) Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs // Slavery: Theory and Practice. 2019. No. 4 (1). P. 4–19.

⁴¹ Inozemtseva E. I. Features of the Socio-Legal Status of Slaves... P. 7–8.

⁴² Ibid. P. 13.

⁴³ Ibid. P. 15.

отпускали рабов, когда наступала пора обзаведения семьей, за определенный выкуп или безвозмездно»⁴⁴. Более того, существовал специальный общинный фонд для выкупа рабов, которых не хотели отпускать бесплатно⁴⁵. Принявшего ислам раба кадии призывали отпускать бесплатно, и такой поступок со стороны хозяина приравнялся к паломничеству в Мекку⁴⁶. Наконец, освобожденному рабу, остающемуся в общине, хозяин либо поселение выделяли земельный надел⁴⁷.

На первый взгляд подобные практики выглядят столь же бескорыстным гуманизмом, как и участие армянских купцов в освобождении русских пленных, однако в действительности и здесь можно увидеть систему, выгодную всем участникам. Следует помнить, что в суровых природных условиях Северного Кавказа массовая эксплуатация рабов не была экономически обоснована. Соответственно, если горцу не удавалось быстро продать пленного, он мог экономически эффективно использовать его только как домашнего раба. Именно поэтому существующие социальные практики были преимущественно направлены на то, чтобы инкорпорировать непроданного пленника в общину, заинтересовать его в работе на хозяина и уменьшить вероятность побега: «Полевые исследования дагестанских ученых показали, что в обществах Западного Дагестана военнопленный до определенного времени (в каждом обществе по-разному) жил у хозяина. Он считался членом семьи. Лаг выполнял различные подсобные работы по указанию хозяина. <...> Он, как и любой член семьи, был заинтересован в поднятии экономики хозяйства. Зависимость его выражалась в том, что он выполнял волю своего хозяина. Информаторы сообщают, что лаг считался членом семьи; они совместно трудились и питались, а с течением времени лаг обзаводился семьей. Свадьбу устраивал хозяин»⁴⁸. Таким образом, пленник оказывался заинтересован в работе на хозяина, поскольку это позволяло ему в перспективе обрести свободу. С другой стороны, формально освобожденные рабы превращались в зависимое население, причем в некоторых аулах выйти из подобного статуса было фактически невозможно: «В селе Чох потомки рабов до четвертого колена включительно обязаны были в год один раз угощать всех узденей (в данном случае имеются в виду свободные жители села. — А. П.), живущих на одной улице с ними, и через каждые десять лет при разделе общественных пашен давать с каждого семейства в пользу общества по одному медному котлу ценой 8–10 руб. Обычно один из этих котлов разбивали на мелкие куски, а остальные продавались и на вырученные деньги устраивалось угощение для членов сельского управления. В селе Мехельта освобожденные рабы и их потомки раз в год должны были на целую ночь уходить из дома. В их отсутствие приходили группы молодых узденей, которые съедали и выпивали все, что находилось в доме и во дворе»⁴⁹.

Отметим, что Е. И. Иноземцева тоже не вполне отказывается от взгляда на кавказское рабство с современных аксиологических позиций. Она прямо пишет, что «само по себе рабство во все времена и у всех народов было величайшим не-

⁴⁴ *Inozemtseva E. I. Features of the Socio-Legal Status of Slaves...* P. 9.

⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁶ *Ibid.*

⁴⁷ *Ibid.*

⁴⁸ *Ibid.* P. 11.

⁴⁹ *Ibid.*

счастьем, а раб не считался полноценным человеком»⁵⁰. Как уже писалось выше, подобное утверждение не вполне корректно: с точки зрения религиозной доктрины ислама раб как раз безусловно является полноценным человеком, и по крайней мере формально декларируется необходимость хорошего к нему отношения. Тем не менее подход Е. И. Иноземцевой, описывающей как положительные, так и отрицательные стороны кавказского рабства, без очевидной симпатии или высокомерного отношения к горцам, выглядит эвристически наиболее перспективным. Особенно интересны ее попытки сравнить положение кавказских рабов и русских холопов, между которыми, по мнению исследовательницы, было много общего, вплоть до «зеркальных совпадений»⁵¹.

Нам же остается констатировать, что всепроникающая система рабства и работорговли на Кавказе, как до того и во всем Северном Причерноморье, вела к формированию специфических социальных практик. Эти практики касались внешне свободных горских семей: в них красивую девочку могли с самого детства готовить к продаже в гарем, будучи убежденными, что там ей будет лучше, чем в родном ауле. Они порождали целые социальные институты: например, институт посредников при обмене пленников, чаще всего армян, зарабатывавших на посреднических услугах. Эти практики влияли и на горские общества: пленник, которого было невыгодно использовать как обычного раба в суровых условиях Кавказа, инкорпорировался в эти общества, но на особых условиях, становясь формально свободным, но фактически оставаясь в зависимости от освободившего его лица. Наконец, и Российская империя не смогла избежать влияния кавказского рабства и его специфической формы, пленопродавства, эпизодически практикуя в регионе намеренный захват пленных для из последующего обмена. Как нам представляется, подобные практики формировали особую психологию рабства, и оценивать специфику кавказского рабовладения необходимо только с учетом этой психологии. Однако данная тема до сих пор специально не исследовалась, и нет работ о том, как оправдывали рабство для себя горцы и казаки, армяне-работорговцы и покупавшие девушек-горянок русские люди. Исключение составляет только сюжет о горянках, которых с детства готовили к рабству: нарративы о том, что они чувствовали, оставляли еще средневековые путешественники по Кавказу, слишком экзотичной и любопытной была эта тема. Между тем подобная проблематика представляется нам крайне перспективной. Человек, привыкший к существованию рабства как института, сам участвовавший в работорговле, а то и в захвате рабов, очевидно чувствовал, попав в рабство, совершенно не то, что ощутил бы на его месте современный человек. Вот почему, как нам кажется, следующим шагом к более глубокому пониманию кавказского рабства, вслед за изучением его социальных практик, должно стать изучение его психологии.

Периодизация работорговли

Последний вопрос, который мы бы хотели рассмотреть в данной статье, касается общей периодизации работорговли на Кавказе. В работах последнего десяти-

⁵⁰ Ibid. P. 6.

⁵¹ Ibid. P. 7.

тилетия было предложено два варианта подобной периодизации, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. Вопрос периодизации в данном случае, думается, так же важен, как и вопрос терминологии: те хронологические рамки, в которых мы изучаем разные периоды кавказского рабства, неизбежно влияют на получаемые результаты.

Первый вариант периодизации рабства на Кавказе предложен в статье «Эволюция института работорговли на Кавказе в IV–XIX вв.» А. А. Черкасова, В. Г. Иванцова, М. Шмигеля и С. Н. Братановского, которую мы уже упоминали в первой части нашей статьи, где в основу периодизации кавказской работорговли положена ее интенсивность. Подобный подход, на наш взгляд, хорошо отражает внутреннюю эволюцию рабства на Кавказе. Авторы статьи предлагают разделить историю работорговли в регионе в целом на три этапа. На первом этапе, который они датируют IV–XV вв., работорговля на Кавказе постепенно развивалась: «первый этап, в сравнении с последующим временем, характеризуется незначительным развитием специфического промысла кавказских горцев»⁵². На втором этапе, в XVI–XVIII вв., работорговля достигла пика, начался «расцвет работорговли», связанный с гибелью Византии и огромным спросом на кавказских рабов в сменившей ее Османской империи⁵³. Наконец, на последнем этапе, в XIX в., произошло «постепенное угасание масштабов работорговли» в связи с приходом в регион нового игрока, России, во внешней работорговле не заинтересованного⁵⁴.

Второй вариант периодизации предложен Т. А. Дзугановым в статье «Особенности и характер черкесской работорговли в XIII–XV вв.» и основан на геополитических изменениях в регионе⁵⁵. Т. А. Дзуганов тоже выделяет три этапа развития кавказской работорговли: «византийский» (IV–XII вв.), «латинский» (XIII–XV вв.) и «турецкий» (XVI–XIX вв.)⁵⁶. Данный вариант хорошо отражает внешнюю эволюцию кавказского рабства, показывая, кто был главным бенефициаром местной работорговли; поэтому, как нам представляется, эти две периодизации не противоречат, а дополняют друг друга. Однако в своей статье мы уделим основное внимание первой: она методологически более сложна и оригинальна, но нуждается в определенных уточнениях.

Дело в том, что подробного описания методологии, того, как, собственно, измерять интенсивность кавказской работорговли, А. А. Черкасов, В. Г. Иванцов, М. Шмигель и С. Н. Братановский не предложили. Более того, хотя начало первого периода кавказской работорговли в рамках предлагаемой ими периодизации датируется IV в., хронологически самые ранние приводимые в их статье факты относятся только к IX в., и связаны они не с собственно кавказской, а с причерноморской работорговлей. Утверждается, что «Болгарское царство являлось, по-видимому, одним из главных поставщиков рабов, ввозимых в Византию в IX–X вв.», а «другие восточноевропейские народы также пытались играть роль поставщиков рабов

⁵² *Cherkasov A. A., Ivantsov V. G., Šmigel M., Bratanovskii S. N. Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // Bylye Gody. 2018. No. 50 (4). P. 1335.*

⁵³ *Ibid. P. 1335.*

⁵⁴ *Ibid.*

⁵⁵ *Дзуганов Т. А. Особенности и характер черкесской работорговли в XIII–XV вв. // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI — начале XX вв.: направления и динамика интеграционных процессов. Нальчик, 2015. С. 16–28.*

⁵⁶ Там же. С. 17.

в Византийскую империю»⁵⁷. О Кавказе же А. А. Черкасов, В. Г. Иванцов, М. Шмигель и С. Н. Братановский начинают говорить только с XIII в., и это неслучайно: по их мнению, лишь в это время черкесы «адаптировали некоторые механизмы черноморской работорговли»⁵⁸.

Но насколько успешной была эта адаптация? Авторы приходят к выводу, что уже «в XIV–XV вв. одним из главных источников поступления рабов на рынки Западной Европы и Египта был Циркумпонтийский регион»⁵⁹. Основную же массу предназначенных для экспорта рабов тогда составляли татары, а не горцы (например, во Флоренции во второй половине XIV в. их было 75,75 %) ⁶⁰. Правда, не вполне ясно, о каких «татарах» идет речь, ведь какая-то их часть в действительности тоже могла быть выходцами с Кавказа (исторически понятие «татары» трактовалось очень широко, и в него могли включать как татар причерноморских степей, так и некоторые горские народы). Только на некоторых рынках ситуация была иной: так, в Трапезунде конца XIV — начала XV в. доля рабов с Западного Кавказа достигала 72,7 % (напомним, кстати, что в это время Трапезунд был столицей независимой Трапезундской империи, павшей под ударами османов только в 1461 г.)⁶¹.

Таким образом, А. А. Черкасов, В. Г. Иванцов, М. Шмигель и С. Н. Братановский рассматривают работорговлю на Кавказе как составную часть работорговли в Причерноморском регионе, то есть в соответствии с тем подходом, который мы считаем наиболее продуктивным. Однако при этом они показывают, что значение Кавказа для причерноморской работорговли в разные периоды времени было различным. Изначально Кавказ был лишь периферией региона, поставлявшего рабов в Средиземноморье. Кстати, в этом плане характерно, что вывоз рабов тогда шел через Каффу, Тану, Перу и Трапезунд; иначе говоря, через Крым и Малую Азию, но не через сам Кавказ⁶². Основную же массу рабов для Средиземноморья, шедшую из Причерноморья, составляли татары, в числе которых, вероятно, преобладали выходцы из степей, а не безусловные горцы, например черкесы или абхазы.

Ситуация начинала меняться задолго до XV в. и окончательного падения Византии. Здесь есть смысл обратиться к статье М. Шмигеля «Метаморфозы черкесской работорговли (XIII–XIX вв.): аспекты женского “живого товара”». В этой статье также говорится о том, что активно вовлекаться в причерноморскую систему работорговли черкесы начали с XIII в., однако помимо этого отмечается, что с их вовлечением изменились гендерные особенности работорговли: женщины стали стоить дороже мужчин⁶³. Как нам представляется, логично связать это с красотой черкешенок, неоднократно отмечавшейся современниками. «Женщины этой страны самые красивые и обаятельные, может быть, во всем мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают. Черкесские женщины являются единственными, которые разделяют ложе турецкого султана и татарских князей; крым-

⁵⁷ *Cherkasov A. A., Ivantsov V. G., Šmigel' M., Bratanovskii S. N. Evolution of the Institution of the Slave Trade...* P. 1336.

⁵⁸ *Ibid.* P. 1338.

⁵⁹ *Ibid.* P. 1337.

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ *Ibid.* P. 1338.

⁶² *Ibid.* P. 1337.

⁶³ *Šmigel' M. Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the “Live Goods” // Slavery: Theory and Practice. 2020. No. 5 (1). P. 22.*

ская знать держит в качестве наложниц только черкешенок», — приводит М. Шмигель слова французского путешественника XVIII в.⁶⁴ А уже в XIX в. австрийский журналист А. фон Швейгер-Лерхенфельд в книге, посвященной женщинам разных народов, утверждал, что черкешенки «славились издавна своею замечательной красотой»: «По большей части черкешенки невелики ростом и очень нежного сложения; они черноволосы, с блестящими, выразительными черными глазами; каждое их движение исполнено живости и неподражаемой грации. Цвет лица нежнее и белее, чем у других кавказских женщин, и так как у них не везде в обычае закрывать лица, то путешественник чаще, чем он смел бы надеяться, может увидеть эти прелестные, изящные создания»⁶⁵. Таким образом, первоначально слабо освоенный работорговцами Кавказ мог привлечь их не только возможностью дешево купить пленных, но и уникальным товаром, коим на рынке работорговли считались местные женщины редкостной красоты.

Был и другой значимый фактор. В XIV столетии произошла исламизация Золотой Орды, а, как мы помним, ислам не только предполагает заботу о рабах, но и рекомендует освобождать единоверцев⁶⁶. М. Шмигель отмечает, что в подобных условиях резко возросло значение тогда еще православной Черкесии как своеобразного «рудника» для добычи рабов⁶⁷. Таким образом, целый ряд факторов, сложившихся в XIII–XIV вв., способствовал быстрому повышению роли Кавказа в системе причерноморской работорговли. Согласно М. Шмигелю, рост доли черкесских рабов явно проявился уже в XIV столетии, а в XV в. они составляли большинство не только на трапезундских невольничьих рынках, но и, например, в Генуе⁶⁸. Соответственно, на наш взгляд, влияние гибели Византии и становления Османской империи для развития работорговли на Кавказе не следует переоценивать: ко времени падения Константинополя значение Кавказа как региона, поставляющего рабов в Средиземноморье, возросло уже около двух столетий.

Именно поэтому вопрос о том, когда работорговля на Кавказе достигла расцвета, едва ли имеет однозначный ответ. Уже к XV в. Кавказ стал основным источником рабов для целых регионов, но и в дальнейшем его роль в причерноморской работорговле продолжала возрастать. При этом вопрос о масштабах кавказской работорговли в абсолютных значениях остается достаточно дискуссионным. На это прямо указывают А. А. Черкасов, В. Г. Иванцов, М. Шмигель и С. Н. Братановский⁶⁹. Ими даже высказывается интересное, но едва ли доказуемое в принципе по недостатку статистики предположение, согласно которому число ежегодно вывозимых с Кавказа рабов в период, называемый ими расцветом работорговли, в действительности сокращалось, поскольку работорговля достигла таких масштабов, что отрицательно влияла на демографию⁷⁰. В этом отношении любопытны приводимые ими утверждения французского путешественника Ж. Шардена, согласно которым в XVII в. население Мингрелии сократилось в несколько раз вследствие мас-

⁶⁴ Šmigel' M. *Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries)*. P. 26.

⁶⁵ *Ibid.*

⁶⁶ *Ibid.* P. 23.

⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁸ *Ibid.* P. 26.

⁶⁹ Cherkasov A. A., Ivantsov V. G., Šmigel' M., Bratanovskii S. N. *Evolution of the Institution of the Slave Trade...* P. 1341.

⁷⁰ *Ibid.* P. 1341.

совых набегов соседей, целью которых был захват рабов⁷¹. Соответственно, вопрос о том, когда закончился период «незначительного развития» кавказского рабства и начался его расцвет, нуждается в уточнении, как и вопрос о том, когда началось постепенное угасание масштабов работорговли. При этом данные уточнения должны носить не только фактографический, но и методологический характер: следует четко определить, каковы критерии «незначительного развития», «расцвета» и «угасания» кавказской работорговли.

В связи с этим отметим важный перелом, оставшийся не замеченным авторами статьи «Эволюция института работорговли на Кавказе в IV–XIX вв.», произошедший в начале XVIII в. и, как нам кажется, служащий провозвестником угасания прежних форм работорговли на Кавказе. Мы уже писали об этом переломе выше: на рубеже XVII и XVIII вв. в связи с новыми договорами России и Османской империи, предусматривавшими взаимное прекращение набегов, площадь территории в Причерноморье, с которой можно было добывать рабов, резко сократилась. Таким образом, последний этап в развитии кавказской работорговли можно считать начавшимся раньше XIX в. и прежде появления на Кавказе русских войск. Система причерноморской работорговли в ее традиционном виде планомерно и систематически уничтожалась Российской империей с XVIII в., а разрушение традиционных форм кавказской работорговли стало только завершающей частью данного процесса.

В заключение отметим, что уничтожение работорговли на Кавказе сопровождалось большим сопротивлением местного населения и требовало от России больших усилий. Укажем одну важную, на наш взгляд, причину этого. В Средиземноморье по-прежнему ценились горские красавицы: если на Кавказе было возможно купить красивую горянку за 200–600 руб. серебром, то в Турции за них давали от 1500 руб. серебром (цены переведены из местной валюты)⁷². Мы убедились, что иногда горских рабов продавали русским как крепостных. Однако на внутрисосудском рынке не было условий к тому, чтобы горские девушки были настолько дорогим и статусным товаром: практика покупки наложниц для гаремов по понятным причинам была не развита. В этих условиях на кавказском рынке цены на невольниц (именно невольниц) оставались стабильно высокими — как предложение со стороны горцев, так и спрос со стороны турецких купцов, поскольку повышенный риск компенсировала возросшая прибыль. Вот что писал Ф. Ф. Торнау о попытках турецких купцов искать красивых рабынь: «В три или четыре рейса турок, при некотором счастье, делался богатым человеком и мог спокойно доживать свой век; зато надо было видеть их жадность на этот живой, красивый товар»⁷³. «Каждый корабль набит 30–40 девушками, которые, как сельди в бочке, посажены друг на друга, с большой покорностью подчиняются мученьям этого морского путешествия, которое они надеются скоро переменить на медовую жизнь в хваленном городе султана», — приводит М. Шмигель описание современником одного из подобных рейсов турецких купцов за кавказскими рабынями⁷⁴. Работорговля оставалась крайне выгодна, и местные владельцы искали те или иные пути обхода русских

⁷¹ Ibid. P. 1339.

⁷² Šmigel M. Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries). P. 29.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Ibid.

запретов, вплоть до святотатственных: рабов вывозили под видом идущих в Мекку паломников⁷⁵. Однако и Российская империя не останавливалась перед крайними мерами, и, по мнению А. А. Черкасова, В. Г. Иванцова, М. Шмигеля и С. Н. Братановского, завершил историю кавказской работорговли процесс переселения в Османскую империю прибрежных племен, после чего «с отдаленных уголков Кавказа вести караваны рабов стало просто некуда»⁷⁶.

Таким образом, исследователями была предложена концепция, позволяющая окончательно отойти от представления о том, будто бы работорговля и конкретно пленопродавство были имманентно присущи кавказскому региону. В рамках данной концепции четко прослеживается эволюция работорговли на Кавказе: сначала усиление интенсивности этой работорговли, потом ее расцвет и затем постепенное сворачивание. Более того, эту эволюцию исследователи объясняют преимущественно внешними факторами: расцвет кавказской работорговли оказывается связан со становлением Османской империи, а ее упадок — с кризисом этой империи и возвышением империи Российской.

Однако при наполнении данной схемы фактическим материалом ученые столкнулись с определенными проблемами, прежде всего в связи с тем, что сами понятия «незначительного развития», «расцвета» и «угасания» работорговли остались ими не до конца сформулированными. Именно поэтому конкретные хронологические границы выделяемых ими периодов эволюции кавказской работорговли, на наш взгляд, выглядят дискуссионными. Так, возможно, начало расцвета работорговли на Кавказе следует датировать не XVI, а XV в., когда рабы с Кавказа уже составляли большинство на некоторых важных рынках; угасание же кавказской работорговли можно отсчитывать не с XIX, а с XVIII в., когда сложились предпосылки, в следующем столетии эту работорговлю уничтожившие. Подчеркнем, что мы не настаиваем на точности предложенных нами хронологических рамок, но вопрос о том, когда работорговля на Кавказе достигла пика, а когда начала угасать, представляется важным и заслуживающим дальнейших исследований, причем в плане как фактографии, так и методологии.

Выводы

Основные выводы из второй части нашей статьи можно свести к следующим положениям.

1. Поскольку работорговля на Кавказе была моральной нормой и играла важную роль в местной экономике, она породила целый ряд специфических региональных социальных практик. Практики эти, с одной стороны, повышали эффективность работорговли как формы экономической деятельности, а с другой — несколько смягчали эмоциональную тяжесть рабства. Важно отметить, что в ряде случаев подобные практики носили универсальный характер не только для Кавказа, но и для всего Причерноморского региона, объединяя людей по разную сторону границ, людей, принадлежащих к различным религиям и культурам. В своей статье мы подробно проанализировали две подобные практики:

⁷⁵ Cherkasov A. A., Ivantsov V. G., Šmigel' M., Bratanovskii S. N. Evolution of the Institution of the Slave Trade... P. 1342.

⁷⁶ Ibid. P. 1343.

а) существование института посредничества для выкупа/обмена пленников, причем в роли посредников часто выступали третьи лица, в похищениях не участвовавшие (например, армяне);

б) наличие в горских обществах традиций, позволяющих инкорпорировать пленника в общину не в качестве раба (напомним, рабство в целом было невыгодно в скудном на ресурсы регионе), но в качестве зависимого от общества человека, даже потомки которого должны были оказывать услуги потомкам свободных общинников.

Важно понимать, что подобные практики порождались объективными социально-экономическими факторами, что и делало их устойчивыми. Попытки же оценивать подобные практики не столько с социально-экономических, сколько с морально-этических позиций, не изжитые в современной научной литературе, на наш взгляд, несколько искажают реальность. Они потенциально позволяют идеализировать отдельные действия участников системы кавказской работорговли и демонизировать другие действия, рассматривая их не в системе, а изолированно.

2. Важнейшей проблемой для исследования является психология рабства на Кавказе. Мы столкнулись с целым рядом специфических психологических реакций, невозможных вне контекста кавказского рабства:

а) нравственное согласие девушек-горянок на продажу в рабство в Турцию, порожденное тем, что эта продажа рассматривалась как социальный лифт;

б) восприятие в качестве социальной нормы деятельности «посредников в откупных операциях» — людей, эпизодически или регулярно организовывавших обмен пленников ради материального вознаграждения или получения социального капитала;

в) отношение к пленникам, вроде бы освобожденным и даже принятым в общину, как к неполноценным и пожизненно обязанным быть в подчинении у принявших их в свой круг свободных общинников.

Психологическая специфика всех этих реакций заключается в том, что мотивация вовлеченного в систему рабства человека, с точки зрения современной морали представляющаяся чудовищной или благородной, в действительности оказывается прагматичной и обоснованной социальной выгодой. Так, проданная в Турцию рабыня-горянка в большинстве случаев действительно имела шанс занять лучшее положение, чем то, на которое она могла надеяться у себя на родине; спасавший русских из плена армянин совершенно осознанно зарабатывал на этом социальный капитал и расположение новых хозяев края в лице русских офицеров; горцы, освобождая пленников, которых не могли продать, следовали социальной практике, целью которой было обеспечить максимум выгоды для себя. Разумеется, изучение психологических реакций целых групп людей крайне сложно, и не следует абсолютизировать приведенные нами случаи: не все горянки были согласны на свою продажу, не во всех общинах отношение к освобожденным пленникам было резко дискриминационным, а другие армяне, освобождая из плена русских солдат, могли делать это без сбора аттестатов у русских офицеров. Тем не менее проблема реконструкции картины мира человека, живущего в кавказском обществе внешней работорговли, представляется интересной и важной исследовательской задачей.

3. Другой важнейшей исследовательской задачей нам кажется исследование периодизации кавказского рабства. Важным шагом в этом направлении являет-

ся концепция А. А. Черкасова, В. Г. Иванцова, М. Шмигеля и С. Н. Братановского, в рамках которой работорговля на Кавказе развивалась в три этапа: незначительного развития, расцвета и угасания. Прежде всего, подобный подход позволяет уйти от представления о том, будто бы работорговля была имманентно характерна для кавказского региона. Развитие кавказской работорговли оказывается связано не столько с внутренними, сколько с внешними факторами, с ростом или падением спроса на рабов на Средиземноморском рынке. Более того, складывается впечатление, что уникальным товаром, разогревавшим этот спрос, служили не столько пленники (которых до XIX в. можно было добыть и на сопредельных территориях причерноморского очага международной работорговли), сколько кавказские красавицы, бывшие особенно выгодным товаром. В связи с этим снова встает вопрос о важности составления иерархии различных видов рабов на Кавказе, но уже не с точки зрения тяжести их положения, а с точки зрения ценности на различных рынках и экономической важности. Так, если до активного вовлечения Кавказа в причерноморскую работорговлю местные мужчины-рабы ценились выше женщин-рабынь, то затем ситуация диаметрально поменялась. В то же время А. А. Черкасов, В. Г. Иванцов, М. Шмигель и С. Н. Братановский недостаточно четко проработали вопрос о том, по каким критериям они определяют незначительное развитие, расцвет и угасание рабства на Кавказе; поэтому, как нам представляется, предлагаемые ими хронологические рамки данных периодов (IV–XV вв., XVI–XVIII вв. и XIX в. соответственно) нуждаются в дополнительном уточнении, а возможно, и в замене на другую, более обоснованную хронологию. В любом случае изучать кавказское рабство в целом, не разбив его на периоды, едва ли продуктивно.

References

- Cherkasov A. A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*, 2020, vol. 57-1, issue 3-1 (Special issue), pp. 1415–2265. (In Russian)
- Cherkasov A. A., Ivantsov V. G., Šmigel M., Bratanovskii S. N. Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody*, 2018, no. 50 (4), pp. 1334–1346. (In Russian)
- Dudarev S. L. On the Place and Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late 18th — first half of the 19th centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai). *Slavery: Theory and Practice*, 2021, no. 6 (1), pp. 14–25. (In Russian)
- Dzaganov T. A. Osobennosti i kharakter cherkesskoi rabotorgovli v XIII–XV vv. *Socio-political and cultural space of the Central and Northwestern Caucasus in the 16th — early 20th centuries: directions and dynamics of integration processes. Collection of scientific articles*. Nalchik, KBIGI Publ., 2015, pp. 16–28. (In Russian)
- Inozemtseva E. I. Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs. *Slavery: Theory and Practice*, 2019, no. 4 (1), pp. 4–19. (In Russian)
- Inozemtseva E. I. *Institut rabstva v feodal'nom Dagestane: Ocherki istorii*. Makhachkala, DSC RAS Press, 2014, 298 p. (In Russian)
- Inozemtseva E. I. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie rabov v feodal'nom Dagestane. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*, 2013, no. 4, pp. 22–32. (In Russian)
- Klychnikov Yu. Yu., Tsybul'nikova A. A. "Tak buinuiiu vol'nost' zakony tesniat...": bor'ba rossiiskoi gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki). Pyatigorsk, RIA-KMV Publ., 2011, p. 255. (In Russian)

- Rajović G., Ezhevski D. O., Vazeroва A. G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*, 2017, no. 46 (4), pp. 1261–1274. (In Russian)
- Sen' D. V. "Bil chelom akhreijskomu atamanu...": plen, rabstvo i vykup na iuzhnom pogranič'e (konets XVII v. — nachalo XVIII v.). *Vestnik Kalmytskogo Instituta gumanitarnykh issledovanii RAN*, 2018, no. 1, pp. 36–46. (In Russian)
- Sen' D. V. *Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'e: prostranstvo, iavleniia, liudi (konets XVII — XVIII v.)*. Rostov-on-Don, Al'tair Publ., 2020, 420 p. (In Russian)
- Šmigel M. Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods". *Slavery: Theory and Practice*, 2020, no. 5 (1), pp. 19–36. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2022 г.

Рекомендована к печати 3 мая 2023 г.

Received: September 20, 2022

Accepted: May 3, 2023